

Среди книг

Издано
в СССР

ТРАГЕДИЯ БОЛЬШЕ НЕ ДОЛЖНА ПОВТОРИТЬСЯ

В. Тейтельбойм. Сын селитры
Предисловие П. Неруды. Перевод с
испанского Б. Люберацкой и Р. Лин-
цер. Москва, «Прогресс», 1975.

Книга видного чилийского писателя члена Политкомиссии ЦК Коммунистической партии Чили В. Тейтельбойма «Сын селитры» повествует о трагическом событии в истории чилийского народа — расстреле баствующих рабочих в порту Икике 21 декабря 1907 года. Этот день, напоминающий «Кровавое воскресенье» — 9 января 1905 года в России, сохранился в памяти чилийского народа под названием «Черная суббота».

В центре романа жизнь и деятельность главного героя — Элиаса Лафферте, активного участника забастовочного движения, одного из основателей Компартии Чили.

Книга В. Тейтельбойма, вышедшая в Сантьяго в 1952 году, вызвала в стране множество откликов.

«Сын селитры» — одна из тех потрясающих книг, которые непосредственно затрагивают самую суть основных вопросов человеческой жизни. При этом автор ни на минуту не забывает, что он художник, творец прекрасного. На протяжении всей ярко написанной скорбной эпопеи читатель испытывает наслаждение от страниц, овеянных вечным дыханием искусства, слышит неумирающий голос ума и чувства, взыва-

ющий к человечности... Эта суровая книга укрепляет душу и помогает понять, что только нестигаемая воля, воля народа должна направлять наши действия в завоевании более ясного, справедливого и прекрасного утра»¹, — так приветствовал тогда появление романа «Сын селитры» Сальвадор Альенде.

Широкое признание книга получила среди рабочих Чили. «В романе сурово и неприкрыто показана борьба, которую вели в прошлом бесстрашные и героические трудящиеся селитры. Думаю, что книгу эту должен прочесть каждый рабочий и крестьянин, каждый трудящийся. Надеюсь, она послужит началом для того, чтобы другие демократические писатели тоже стали писать о борьбе крестьян, шахтеров, служащих, наших женщин и молодежи», — эти слова принадлежат Хуану Аумаде, руководителю Союза сельскохозяйственных рабочих провинции Сантьяго.

О том, что заставило писателя обратиться к историческому прошлому своего народа, и о том, какое значение имеет для него издание книги «Сын селитры» на русском языке, по просьбе редакции рассказывает автор романа В. Тейтельбойм.

 почему в пятидесятые годы я обратился к событиям, происходившим в начале века, в дни зарождения чилийского рабочего движения?

Потому что в пятидесятые годы тигр снова вышел из своего логова, как это было уже в начале века, то есть книга родилась из потребности говорить о настоящем, ссылаясь на прошлое. Но это было не стремление вернуться вспять, а стремление отыскать корни, исследовать причины, выяснить, почему, как и когда возник приказ стрелять в народ, к которому в определен-

Первая часть романа называется «Суровое утро».

ные моменты с холодной жестокостью при- бегают капитализм.

В 1950 году мы жили под мрачной тенью «холодной войны». И правивший в Чили диктатор Гонсалес Видела ожидал как благодати третьей мировой войны. У него были свои расчеты. Подскочили бы цены на медь, доллары потекли бы к нему рекой. Ему необходимо было раздавить всех, кто только мог воспротивиться этому разработанному в Вашингтоне плану. И вот он объявил коммунистическую партию вне закона, учредил концентрационные лагеря, стал огнем и мечом преследовать трудящихся. Нескольким генералам была поручена роль карателей.

И пришел час напомнить о трагедии прошлого, о массовом расстреле добывавших селитру рабочих и их семей, совершенном в школе Санта-Мария в Икике 21 декабря 1907 года.

Простодушная надежда, политическая наивность неопытных пролетарских масс была там расстреляна из пулеметов. Не только метафорически, но и вполне реально этот эпизод во многом подобен «Кровавому воскресенью» в Петербурге. То был смертельный удар по доверию, какое еще мог испытывать народ и зарождающийся рабочий класс к своим эксплуататорам. Утопические надежды на отеческую заботу хозяев оказались напрасными. Произошел качественный скачок — начал формироваться авангард рабочего класса, осуществляться переход от детской наивности к более зрелой политической мысли, к возникновению пролетарского самосознания.

Пять лет спустя в том же сером городе посреди пустыни, где пролилась кровь, прозвучал грозный ответ: была создана Социалистическая рабочая партия, десятью годами позже преобразованная в Коммунистическую партию Чили.

В книге «Сын селитры» я считал необходимым возвратиться к прошлому, к началу драмы, вторым и третьим актом которой явились события середины века.

Сейчас стало ясно, что тема моего романа, на который правящий режим наложил запрет молчания, была актуальной не только для 1950 года, но и для семидесятых годов — так в посеянном миндальном ядре таится будущий горький плод. История подтвердила, что это трагическое событие окажется ключевым и для последующих лет.

Разумеется, живое содержание истории я стремился выразить в романе согласно специфическим законам жанра, сочетая реальность и вымысел, объединяя лирические, эпические и психологические компоненты, а главным героем я сделал человека, неразрывно связанного с событиями.

«Сын селитры» был написан не затем, чтобы извлечь из пожелтевших тайных архивов хронику былой катастрофы, а чтобы служить современности. Это оружие ковалось для текущей борьбы. Потому что в те дни, когда я писал книгу, снова повторилось чудовищное насилие над народом, произошел смертоносный рецидив варварства, которое несет с собой фашизм.

Книга появилась в момент жестоких реп-

рессий. Боевое крещение она получила на улице. Встреча с читателем произошла на митинге под открытым небом. То был вызов тирании. Большинство участников были рабочие. Они откровенно высказывали свое мнение о романе. На собрании присутствовали также крестьяне, писатели, художники. Это собрание походило на бурный поток, внезапный луч света в пустыне, среди полного мрака. Оно свидетельствовало о мощном, готовом вырваться наружу течении в массе народа, который, узнав в книге одну из горьких страниц собственной жизни, показал свое лицо, взял слово и в центре столицы заявил во весь голос, что никогда не забудет о событиях прошлого, что будет продолжать борьбу и его не останавят ни чрезвычайные законы, ни концентрационные лагеря, ни массовые убийства.

К несчастью, приходится признать, что книга моя остается актуальной, пугающе актуальной и сейчас. Потому что все Чили в наши дни — это школа Санта-Мария, «Черная суббота», длинный и узкий концентрационный лагерь. Внук генерала Сильвы Ренарда, расстрелявшего рабочих, зовется Аугусто Пиночет. Через семьдесят лет смерть обрушилась на народ не только в Икике, но и по всей стране.

Человек, который приветствовал и одобрил эту книгу в дни ее появления, героически пал, сраженный пулями наследников убийц 1907 года в охваченном пламенем дворце Ла Монеда 11 сентября 1973 года. Пабло Неруда, который написал прекрасное предисловие к «Сыну селитры», — умер двумя неделями позже в Сантьяго, и смерть его была ускорена именно фашистским переворотом. Трагедия повторилась.

Важно, чтобы роман «Сын селитры» утратил свою актуальность. И превратился в книгу, которую чилийцы могли бы читать без содрогания, как повествование о давней драме, которая уже больше никогда не повторится.

Значит, надо вырвать корни дерева зла. Уничтожить навеки фашизм и породившие его условия. Единственный способ покончить с опасностью — это убить тигра, разрушить его логово. Создать новую армию, новое общество. Другими словами — совершить революцию. Только тогда «Сын селитры» потеряет свою актуальность и превратится просто в роман, описывающий трагическое историческое событие, которое произошло однажды, а потом повторилось еще и еще раз. Эта книга достигнет своей цели, когда то, о чем рассказано на ее страницах, станет невозможным. В этом и заключается великая историческая задача нашего народа.

Безмерную радость и моральное удовлетворение я испытываю от того, что роман этот может поведать о чем-то народам, живущим в социалистическом обществе, где описанные мною драмы — подобные которым русский народ пережил при царизме — стали окончательно невозможны. Я очень хорошо понимаю, что для советских людей все это — прошлое, вчерашний день. Быть может, читая мою книгу, какой-нибудь читатель старшего поколения вновь пере-

живет знакомые ему трагические события. Но я надеюсь, что и поколения, рожденные после Октября, откликнутся на страдания моего народа, напоминающие испытания, выпавшие в прошлом на долю их отцов и дедов.

Я надеюсь также, что эта книга поможет увидеть подводную часть айсберга, историческую подоплеку событий, происходящих сейчас в истерзанном Чили. Ведь я знаю, что хотя наша трагедия происходит далеко за географическими пределами вашей социалистической родины, она глубоко волнует каждого из вас, как человека нашего времени, для которого горе любого народа никогда не останется чужим, а будет ранить его сердце и тревожить его совесть, ибо всех людей, достойных этого имени, он рассматривает как членов единой семьи.

В. ТЕЙТЕЛЬБОЙМ

ПОКОЯ НЕТ...

Мэри Бенсон. В точке покоя.
Перевод с английского А. Файнгара.
Послесловие А. Давидсона. Москва,
«Прогресс», 1975.

Удучи читателем дисциплинированным, я сначала прочел роман южноафриканской писательницы Мэри Бенсон, чье имя встретилось мне впервые, а уж потом короткое, но содержательное послесловие А. Давидсона, чье имя мне хорошо известно как видного советского африканиста. И послесловие это разрешило многочисленные недоумения, поставило все на свои места. Дело в том, что сбивает с толку неровность тона романа: уверенного, звонкого и страстного в социальной, политической и общественной частях и, как мне показалось, шаткого, сюсюкающего, приторно-дамского, когда речь заходит о «чувствах». Когда М. Бенсон изображает острые споры в среде южноафриканской интеллигенции, зловещую комедию псевдодемократического суда над сторонницей африканского сопротивления, бунт человеческого достоинства, отвергающего право силы, рисует образы черных и белых борцов с расизмом и расовой сегрегацией, или ушедших от жгучих проблем времени смиренных, или приверженцев африканского фашизма — рука ее тверда и умела, но вот наступает лирическое интермеццо — то ли нежное воспоминание о минувшей любви, то ли живое действие любви сегодняшней — и все идет вкривь и вкось. Как из рога изобилия сыплются всякие «крошки», «малышки», «яблочки» и прочие, не вызывающие в читателе сочувствия, ласковые прозвища; «сливаются» и «взаимопроникают» тела — обветшалые литературные штампы льются из-под пера романистки, вызывая недоумение и досаду. Объясняется же это просто: Мэри Бенсон — видная политическая писательница, и это ее первый опыт в области художественной литературы.

В том, что близко ее основной профессии

и душевному настрою — в изображении социальных и политических страстей, — она преуспевает и в новом для себя роде письма, ну а любовная стихия ей пока не дается. Да и нужна ли она вообще в такого рода произведениях? Что потерял бы читатель, если б здесь не оказалось холодноватых мечтаний героини о некоем загадочном Роджере с мохнатыми ресницами и усмешкой в уголках рта, неистовых сцен с Мэтью и нарочитого, словно взятого напрокат из второсортной современной беллетристики сексуального взрыва случайной измены? Да ровным счетом ничего. Но, видимо, западному потребителю литературы, даже квалифицированному, серьезному — приверженец развлекательного чтения просто не раскроет роман М. Бенсон, — необходима крепкая любовная приправа, дабы воспринять остальное, то, ради чего писалась книга. И тут можно лишь посочувствовать М. Бенсон, ибо ее нынешняя сила, конечно же, не в живописании любовных утех, а в социальном пафосе, политической прозорливости, умении глубоко анализировать ту общественную структуру, которая служит ей предметом изображения. Вот этим-то и ценен роман Мэри Бенсон!

У нас опубликовано не так уж мало талантливых произведений южноафриканских писателей: романов, рассказов, очерков. Они действуют своей эмоциональной заряженностью: нельзя равнодушно слушать крик страдания и ярости, но — оставим в стороне публицистику Алекса Ла Гумы — в большинстве своем не посвягают на сколько-нибудь серьезное рассмотрение причин и следствий. Проза Мэри Бенсон тоже окрашена болью и гневом, но это не препятствует углубленному размышлению над путями и судьбами страны, которые посреди рушащихся колониальных режимов громоздятся в сегодняшнем времени неким чудовищным анахронизмом, пребывая наряду с соседней Родезией оплотом белого расизма в Африке.

Тут сказывается историческое своеобразие самого южного государства Африки. Голландские фермеры — «буры», поселившиеся на земле банту триста лет назад и создавшие республику Трансвааль и Оранжевую, яростно сопротивлялись вторжению английских колонизаторов и были в глазах всего света борцами за правое дело. В годы англо-бурской войны — конец прошлого, начало нынешнего века — русские крестьяне пели грустную песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне». Буры проиграли войну, их республики стали английским доминионом. Но после второй мировой войны, когда начала распадаться британская колониальная империя, к власти пришли так называемые африканеры, далекие потомки буров, на которых не падало даже слабого отблеска сподвижников Крюгера и Девета.

Крайние реакционеры и националисты во главе со своим лидером Бальтазаром Форстером, африканским последышем Гитлера,

СРЕДИ КНИГ